

U 76
975

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ.

W 1455

А. А. Скальковскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

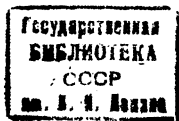
ВЪ ТИПОГРАФИИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1847.

(Изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ).

16184/

81168-50

2004127643

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ.

Если гдѣ-либо торговля и промышленность доказываютъ свое могущество, свою всеодушевляющую силу, такъ это въ Южной и Новой-Россіи. Живыми тому примѣрами служатъ Таганрогъ, Одесса, и, въ наши дни, Бердянскъ и Ростовъ-на-Дону. Послѣдній, недавно еще малоизвѣстный и мелкій уѣздный городокъ Екатеринославской губерніи, сталъ, нѣсколько лѣтъ тому, развиваться съ удивительною быстротою, и въ настоящее время стремится къ блистательной будущности столь сильными шагами, что стоить только принять его въ такоеже отеческое попеченіе, какимъ пользовалась Одесса со временъ Ришелье, и онъ взойдетъ на столь-же высокую, или хотя

близкую къ ней, степень внутренняго благосостоянія. Чтобы показать въ точномъ видѣ состояніе Ростова и его внутреннія силы, мы представимъ здѣсь: 1) краткую исторію этого города, 2) его настоящее положеніе, и, наконецъ, 3) его нужды и правдоподобную будущность.

І. ОСНОВАНІЕ ГОРОДА РОСТОВА.

(1747—1847.)

Сколько можно было доискаться въ мѣстныхъ архивахъ, до 1747—1749 годовъ вся мѣстность, занимаемая городомъ Ростовомъ, Крѣпостью Св. Димитрія и Нахичеванью (на Дону), была совершенно пуста, и хотя издревле, по грамотамъ, или преданіямъ, Донскіе Казаки, а прежде ихъ Черкасы, то-есть Низовые-Запорожцы, и считали ее своими дачами, но въ самомъ дѣлѣ, до половины XVIII столѣтія самые Донцы далѣе Старо-Черкасска усадьбами своими не доходили. Вблизи отъ этого казачьяго становища, семью верстами ниже, на урочищѣ, называемомъ *Монастырскимъ-Озеромъ*, *Монастырскимъ-Яромъ*, или просто *Монастырскимъ*, былъ родъ Запорожской паланки или укрѣпленнаго стана, куда по временамъ стекалась казачья молодежь, такъ-называемая «охота», чтобы потѣмъ, на лодкахъ, «поискать» враговъ, особенно Татаръ и Турокъ, близкихъ сосѣдей, владѣвшихъ Азовомъ и укрѣпленіями (каланчами) на рѣкахъ Чулекъ,

Койсугѣ, Кагальникѣ и другихъ, слѣдственно на всѣхъ устьяхъ Дона. Въ описаніи похода Боярина Шеина подѣ Азовъ, находимъ, что этотъ воевода, на обратномъ пути въ Россію, имѣлъ стѣвки: 1) въ 8 верстахъ отъ Азова, у рѣчки *Косуи* (*Кой-су*, гдѣ нынѣ огромное казенное селеніе *Койсугское*); 2) на урочищѣ *Курганъ*, въ 10 верстахъ отъ предшествовавшей * (слѣдственно на рѣкѣ *Батай-су*, гдѣ нынѣ волость *Батайская*); 3) у рѣчки *Ерикъ* (какой это «ерикъ», то-есть рукавъ Дона, сказать теперь трудно, ибо *Казачій-Ерикъ* оставался у арміи за второю ставкою); наконецъ, Россійскія войска, переправясь чрезъ Донъ противъ Маныча (то-есть устья рѣчки Маныча въ Донъ, гдѣ нынѣ станица Манычская), пошли къ рѣкѣ Аксаю, и перешедши ее по мосту, вошли въ степи земель Донскаго Войска. Изъ описанія этого похода видно, что на всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ, кромѣ живыхъ урочищъ: рѣчекъ и одного кургана, ничего не было найдено; иначе Журналъ Петра-Великаго упомянулъ-бы о томъ. Такимъ образомъ, можно положительно сказать, что послѣднимъ къ устьямъ Дона, или самымъ «нижнимъ» постомъ Донскаго Казачества, а слѣдственно и Россійскаго Государства, было урочище Монастырское, выше

* На вершинахъ рѣчки Койсу, есть два урочища, называемыя: одно — *Два-Брата-Курганы*, другое — *Калъкъ-Салганъ-Курганъ*; не тамъ-ли отдыхало войско Петра-Великаго?

упомянутое. Когда, послѣ печальныхъ событій 1711 года и Прутскаго договора съ Турціею, должно было на-время отказаться отъ Азова и даже срыть *Троицкій-Острогъ* на *Тагань-Рогу*, великій Монархъ, хотя и испытанный счастіемъ оружія, не хотѣлъ однакоже оставлять здѣшнихъ мѣстъ и все еще надѣялся на будущее. Съ цѣлію сохранить хотя небольшой военный притонъ для дальнѣйшихъ предпріятій и для удерживанія въ повиновеніи самихъ Донцевъ, онъ возобновилъ находившійся на Монастырскомъ-Яру ретраншментъ, укрѣпилъ его пушками, вывезенными изъ Азова, перевелъ въ него изъ тойже крѣпости гарнизонъ регулярныхъ войскъ, и команду здѣсь поручилъ Русскому Штабъ-Офицеру. Какъ ни спорили о томъ Турки, какъ часто ни «били челомъ» ко Двору Донскіе Казаки, это укрѣпленіе оставалось во всегдашней готовности къ военному дѣлу, до 1750 годовъ. Въ оффіціальныхъ актахъ и въ просторѣчій оно называлось *Транжаментомъ*, и зависѣло непосредственно отъ Азовскаго Губернатора, названнаго съ 1712 года Воронежскимъ. * Для исторіи и статистики замѣтимъ, что это мелкое, мало кому извѣстное становище, съ 1709 по 1735 годъ, было

* Вотъ примѣръ: «Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ Воронежской Губернской Канцеляріи въ Транжаментъ Полковнику и Коменданту Гулицу». 21 сентября 1724 года.

единственною точкою Русскою на Югѣ для торговли и пограничныхъ сношеній, ибо единственный дотолѣ Русскій портъ на Югѣ—*Сычь Запорожская на Чертомлыкъ*—срыта была въ 1709 году до основанія, и все Днѣпровское понизовье отдано Туркамъ.

Въ концѣ 1729 года, когда отъ частыхъ разливовъ Дона потоплялся не разъ и Монастырскій-Транжаментъ, по проекту Инженеръ-Генералъ-Лейтенанта Де-Вриньи (de Vigny), представленному Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, повелѣно избрать для крѣпости новую и болѣе прочную въ томъ краѣ мѣстность. А какъ крѣпость эта назначалась для удержанія Донцевъ отъ своевольства, а Кубанскихъ Ногаевъ (доходившихъ кочевьями до рѣки Ей) и Азовскихъ Турокъ—въ страхъ и тишинѣ, то должна была находиться на Дону же, вблизи отъ главной Донской казачьей станицы, Черкаска *.

Генералъ де-Вриньи, вмѣстѣ съ Французскимъ Инженеромъ де-Кулонъ (de Coulong), посланнымъ въ то время на устья рѣчекъ Міуса и Калміуса, для осмотра Азовскаго побережья, гдѣ предполагалось устроить адмиралтейство или хотя верфь, избрали для крѣпости урочище на рѣчкѣ или оврагѣ Васильевкѣ, называемомъ въ народѣ «Васильевскими-

* Этотъ Черкасскъ, то-есть Старо-Черкасскъ, а нынѣ Старо-Черкасская-Станица, основанъ Черкасами (Запорожцами) во времена Баторія, въ 1570 годахъ, въ одно почти время съ ихъ Кошемъ или Сычью-на-Чертомлыкъ.

Буграми», въ 7 только верстахъ отъ Старо-Черкаска. По указу 1730. года 16 марта, эта крѣпостца должна была строиться изъ камня или хотя изъ крѣпкаго дерева, и быть обведена валомъ и острогомъ. Именнымъ указомъ, отъ 22 января 1731 года, Императрица назвала ее *Крѣпостью Св. Анны*, и передала въ вѣдѣніе Генераль-Квартирмейстера де-Вриньи, а постройку поручила Инженеру де-Кулонъ. Донцы сѣтовали и на эту постройку; но Правительство болѣе-и-болѣе настаивало на ея сооруженіе, и мы находимъ вскорѣ новое Монаршее повелѣніе (отъ 29 ноября 1733 года) о порученіи этой крѣпости вновь Генералу де-Вриньи, который тогда, вмѣстѣ съ Графомъ Вейсбахомъ и Инженеръ-Генераломъ Таракановымъ, занимался укрѣпленіемъ «Старой», то-есть «Украинской-Линіи». Въ-послѣдствіи, когда, несмотря на побѣды Миниха, надобно было, по Бѣлградскому миру, уничтожить Азовъ и даже подорвать его порохомъ, въ присутствіи Турецкихъ Коммиссаровъ, Русскій Дворъ непремѣнно требовалъ, чтобы «фортеція близъ Черкаска», то-есть Крѣпость Св. Анны, была непремѣнно окончена. Для ея охраненія учрежденъ былъ особый казачій полкъ, подъ названіемъ «Азовскаго», въ числѣ 365 человекъ, который набирался изъ «служилыхъ» казаковъ и Калмыковъ, получалъ определенное жалованье и состоялъ до 1749 года въ особомъ вѣдѣніи Каммеръ-Коллегіи.

Такъ, съ 1712 по 1740 годъ, въ 28 слишкомъ лѣтъ, владѣнія Русскія на низовьяхъ Дона подвинулись впередъ только на 7 верстъ. Но вскорѣ Императрица Елисавета Петровна вступила на престолъ и дала всему южному краю Имперіи другое, болѣе энергическое, направленіе. Въ началѣ ея царствованія, упомянутый постъ казался столь важнымъ для нашего рубежа, что при немъ и въ ближайшихъ «окрестныхъ» съ нимъ мѣстахъ, повелѣно было устроить нѣсколько таможенныхъ заставъ, для сбора «портовой» пошлины и для «смотрѣнія, привозимыхъ Греками и другихъ націй людьми, товаровъ, а также чтобы Великороссійскіе купцы и Донскіе Казаки иностранныхъ товаровъ *глухими* трактами не ввозили въ Россію». Этѣ заставы учреждались: 1) при бродѣ на рѣчкѣ *Карагачъ*; 2) на рѣчкѣ *Тузловъ* (одномъ изъ рукавовъ Дона), на мосту; 3) у *Пашеннаго-Брода* (на Дону), и 4) при впаденіи рѣчки *Акса* въ Донъ, гдѣ нынѣ *Акса́йская* казачья станица. Все это занимаетъ въ очеркѣ (гауон) не болѣе 30 кв. верстъ. Но урочище Аксайское тѣмъ уже важно для мѣстной географіи, что оно 4 или 5 верстами ниже (по Дону) Крѣпости Св. Анны; а въ 1740 годахъ это былъ не малый шагъ впередъ. Только Донцы, безпрестанными своими жалобами на «утѣсненіе въ торгахъ и промыслахъ», мѣшали Правительственнымъ учрежденіямъ на границѣ: четыре упомянутыя заставы надобно было снять

и таможенный надзоръ сосредоточить у Крѣпости Св. Анны. Въ 1745 году, коменданту ея, Бригадиру Вырубову, приказано снять на планъ всю окрестную мѣстность и тамъ избрать новое урочище, способное для учрежденія пограничнаго поста и таможни, къ охраненію государственнаго интереса; но Вырубову было не до того: уже съ 1743 года возился онъ съ двумя непримиримыми «порубежниками» — Казачествомъ Донскимъ и Запорожскимъ, соперниками за безмѣрныя земли между Міусомъ и Калміусомъ, гдѣ и теперь находится у Донцевъ еще много глухой степи, а тогда была совершенная пустыня. Главною цѣлію этой «порубежной» борьбы, было владѣніе Азовскими приморскими косами. Только въ 1746 году споры эти были официально окончены: Высочайшимъ указомъ отъ 30 апрѣля того года, границы Донской общины опредѣлены совершенно въ ея пользу, такъ — что начавъ отъ лѣваго берега рѣки Калміуса, владѣла она всѣми берегами Азовскаго — Моря до устьевъ Дона, и всѣми степями на рѣкахъ Грузской, Міусъ, Еланчикахъ, Крымкѣ и другихъ, до самаго впаденія рѣчки Темерника въ Донъ, гдѣ номинально начинался уже древній Татарскій рубежъ. Темерникъ, впадаетъ въ Донъ 30 верстами ниже Старо-Черкаска: слѣдственно, этимъ пограничнымъ закономъ, Монархія подвинула Русское владѣтельство еще на 20 верстъ ближе къ гирлямъ Дона и Азовскому-Морю. Бригадиръ Вырубовъ

въ рапортѣ своемъ въ Каммеръ-Коллегію, въ томъже году посланномъ, пишетъ, что «до-
времени, новыхъ мѣстъ для таможни избрать
онъ не можетъ, ибо кругомъ сей крѣпости
одни озѣра и болѣта, а способныхъ геодези-
стовъ (землемѣровъ) въ командѣ его не
имѣется».

Это устье мелкой рѣчки Темерника въ
Донъ составляетъ главную точку, около ко-
торой будетъ двигаться нашъ разсказъ. Дон-
скіе казаки признали его болѣе способнымъ
для торговли и своего покоя, нежели та-
моженный постъ у Крѣпости Св. Анны, то-
есть у воротъ ихъ Старо-Черкасска, и Ата-
манъ Ефремовъ «билъ челомъ» объ этомъ ко
Двору. По его ходатайству, ровно чрезъ три
года послѣ опредѣленія упомянутаго нами ру-
бежа, указъ 16 декабря 1749 года повелѣ-
ваетъ: «учредить таможню Русскую на Дону,
«отъ устья рѣчки Темерника, противъ уро-
«чища, называемаго *Богатый-Колодезь*, гдѣ
«и Донскіе Казаки могутъ вести свою торго-
«вую съ пріѣзжими Греками, Турками и Ар-
«мянами»*. Это безвѣстное доселѣ урочи-
ще съ прекраснымъ наименованіемъ для его
будущности, находится весьма близко, не-
болѣе 600 или 700 сажень, отъ нынѣшняго
Ростова.

Смѣнившій Бригадира Вырубова въ Крѣ-
пости Св. Анны, комендантъ Генераль-Маіоръ

* Полное Собр. Зак., т. ХСІ, стр. 483 и др.

Баронъ Фонъ-Вейдель, былъ строгій пограничный начальникъ, а потому крѣпко не нравился, и Запорожскимъ, и Донскимъ казакамъ; послѣдніе немедленно просили объ уничтоженіи таможеннаго форпоста, какъ прежде о таможнѣ при Крѣпости Св. Анны, говоря, что «тамъ отъ военныхъ людей казакамъ и торговцамъ сильныя озлобленія дѣлаются». Правительство, вникнувъ въ истину такихъ жалобъ, приказало коменданту быть снисходительнѣе къ купечеству, но таможни не уничтожило; напротивъ, въ 1750 годахъ, устроило при Крѣпости Св. Анны, еще и карантинъ (подобный Сѣчевому), гдѣ всѣ проѣзжающіе въ Россію этимъ путемъ торговцы, гонцы и даже дипломатическіе чиновники должны были выдерживать обыкновенную обсервацію. Въ 1756 году, по ходатайству Россійскаго Посланника при Портѣ Оттоманской, Обрѣзкова, отправлены были въ эту крѣпость изъ Кабинета деньги, для выдачи пособій тѣмъ изъ Турецкихъ подданныхъ, или освободившимся изъ Мусульманскаго плѣна разныхъ націй людямъ, которые желали-бы навсегда поселиться въ Россіи, а тѣмъ-паче поступить на службу въ новозаводимые тогда Сербскіе, Гусарскіе и Пандурскіе полки. Всѣ такіе люди, по выдержаніи карантинной обсерваціи, отправлялись въ Бахмутъ, въ штабъ-квартиру Генералъ-Маіора Шевича (основателя Славяносербскаго и Бахмутскаго уѣздовъ), или-же въ Крѣпость Св. Елисаветы, къ Генералу Хорвату.

Между-тѣмъ успѣли замѣтить, что тѣже невыгоды мѣстоположенія, которыя были гибелью «Монастырскаго-Транжамента», оказались въ равной силѣ и въ Крѣпости Св. Анны: низменность мѣста, разливъ Дона и оттого болота и камыши, были причиною, что иногда она отдѣлялась ото всего міра, и сильныя горячки всякой годъ истребляли въ ней, и жителей, и гарнизонъ. По-немногу, люди «вольные», «форштадтскіе» уходили изъ-подъ крѣпости и переселялись къ Богатому-Колодезю: мѣсту, казалось, самымъ Провидѣніемъ избранному къ порожденію большаго и богатаго города. Они строили себѣ домики, одни на урочищѣ *Полуденкѣ*, другіе ниже Колодезя, на самомъ устьѣ рѣки *Темерника*. Пребывавшій въ это время въ Донскихъ земляхъ Инженеръ — Полковникъ Александръ Ригельманъ* донесъ о томъ Военной Коллегіи, и ему, по волѣ Монаршей, приказано было осмотрѣть низовье Дона, сколько это можно было сдѣлать, не нарушая Бѣлградскаго трактата, и тамъ, на Дону же, избрать мѣстность, способную, и къ оборонѣ, и къ жительству. Въ 1761 году, это порученіе было исполнено: Ригельманъ для крѣпости и города избралъ то-

* Этотъ Полковникъ Ригельманъ написалъ въ-послѣдствіи первую и можно сказать самую лучшую Исторію Донскаго Войска, подъ заглавіемъ: *Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Казакахъ* и пр., 1778 года. Издана Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, въ его Запискахъ на 1846 годъ, No 3 и слѣд.

же, что и въ 1749 году, урочище Богатый-Колодезь, и на немъ заложилъ крѣпость, которую Императрица Елисавета, не задолго до своей кончины, назвала *Крѣпостью Св. Дмитрія-Ростовскаго* (указъ 13 сентября 1761 года). Таково было начало города Ростова-на-Дону.

Крѣпость, построенная Полковникомъ Ригельманомъ, расположена на Дону, противъ самаго урочища Богатый-Колодезь, на довольно возвышенномъ и обширномъ мѣстѣ; въ окружности имѣетъ она 1,650 сажень; укрѣплена была ровомъ и высокимъ землянымъ валомъ съ каменною одеждою; ворота и ходы были каменные; батареи защищали часть рѣки, которую называли *Темерниковскій-Портъ*, оттого что тутъ, съ-одной-стороны — рѣка *Темерникъ*, съ-другой — *Темерницкое-Озеро*, входятъ въ Донъ. Къ востоку и западу, на разстояніи отъ крѣпости не болѣе 600 или 700 сажень, основались и устроились двѣ слободки, куда перешли жители форштадта Крѣпости Св. Анны; отсюда-же переведены были въ новую крѣпость, и гарнизонъ, и пушки, и припасы, а также и архивъ, слѣдственно и архивъ Монастырскаго-Транжаменты, который находится здѣсь и донынѣ. Слободки были: одна — на урочищѣ *Полуденкѣ*, другая — на мѣстѣ, которое долго носило имя *Доломановки* и называлось въ простонародѣ *Солдатскою-Слободкою*. «Жители оныхъ, говоритъ г. Броневскій, состояли изъ Россійскаго купечества, изъ